

ЖЕБРОВСКАЯ С. Г. — ПЕШКОВОЙ Е. П.

ЖЕБРОВСКИЙ Сергей Иванович, родился в 1895. Получил среднее образование. Проживал в Москве, работал бухгалтером в учреждении. Женат на Серафиме Георгиевне Жебровской. В 1936 — арестован, приговорен к 3 годам ссылки и отправлен в Северный край. Летом 1937 — арестован, приговорен к высшей мере наказания и расстрелян¹.

ЖЕБРОВСКАЯ (урожд. Паршикова) Серафима Георгиевна, родилась в 1904. Проживала в Москве, с 1919 — после окончания школы и дошкольных курсов преподавала в средней школе. Вышла замуж за Сергея Ивановича Жебровского. В июне 1937 — выслана в Астрахань². В августе обратилась за помощью к Екатерине Павловне Пешковой.

<1 августа 1937>

«Уважаемая тов<ариц> Пешкова!

Обращаюсь к Вам в самую тяжелую, морально и физически, минуту своей жизни. Как авторитет, дайте совет мне. Я 3-й месяц без работы, мне ее не дают, так я выслана обманным путем из Москвы, без копейки денег и без вещей.

Я педагог с 1919 года, как только по окончании школы кончила дошкольные курсы. С тех пор моя работа прерывалась только учебой или болезнью сына. Жила самостоятельно, воспитывая сына. Я была замужем за С. И. Жебровским. Но последние 4 года его можно было считать чужим человеком, он приходил только ночевать. Интересы семьи для него перестали существовать. Он выписал себе другую семью. И даже некоторое время скрывал от меня, пока я случайно об этом не узнала. Год назад его арестовывают и высылают. А в июне приходят ко мне представители НКВД и в 5-тидневный срок просят убраться. Почему? В чем дело? Никто ничего не знает. Ходят на день по 3 раза, сидят по 2 часа. В заключение, когда я прошу еще 2 дня, так как перед этим я была больна воспалением брюшины и не могла даже ходить, или я хочу видеть начальника — человека, который росчерком пера разваливает жизнь трудящейся женщине, и разрешить с ним этот вопрос. Они отвозят меня в НКВД, сижу там 2 часа, приходят снова, едемте, говорят, сажусь в машину, спрашиваю куда? — На вокзал, вот ваш чемодан. Оказывается, они поехали ко мне домой, набросали, что попало, в чемодан, и с этим я приехала сюда.

Голодное состояние выбивает меня из равновесия. Никакой помощи у меня нет, кроме сына — 14 лет, пионер, и слепая мать старуха. По дороге тов<арици> из НКВД твердили, что вы там сейчас же получите работу и даже квартиру. Все обман! Ложь! И кто же обманывает, такой авторитет как представители НКВД. Никакой работы, причем, образовалась такая формула: секретарь местного НКВД говорит, Вы найдите место, а я позвоню. Когда находишь место, говоришь ему, то он или просто не звонит, а если звонит, то ему говорят, у нас нет места. А когда найдешь снова, в учреждении там говорят: да что нам НКВД, оно приказывать не может. Не возьмем и все. А время идет, и силы падают. Нелепо, когда здесь нужны и педагоги, и вообще культурные люди. А при таком положении создается группа людей, только потребляющих и ничего не дающих. Группа людей, с которыми я приехала, все из НКВД, люди обеспеченные. Куча вещей, деньги, это дает нормальную жизнь. Тем более многие не очень льнут к работе. Но мне, начавшей с 19 лет

¹ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1: Д. 1597. С. 128-129; Д. 1673. С. 46-48.

² Жертвы политического террора в СССР». Компакт-диск. М., «Звенья», изд. 3-е, 2004.

самостоятельную жизнь, тяжело без работы. Она мой воздух, мой пульс. В советском государстве не должно быть человека вне коллектива, но, если человек не работает, он деградирует, в 34 года рано превращаться в развалину. Да и наша прекрасная Конституция защищает трудящихся, а не отдыхающих вынужденно по несколько месяцев.

Товарищ Пешкова, прошу Вас вот о чем, скажите, могу ли я просить и кого пересмотреть мое выселение, второе, — разрешат ли мне на зиму приехать в Москву, кончить институт, остался 1 год, а потом снова я смогу приехать сюда. И последнее, прошу разрешения приехать на несколько дней, чтобы к зиме как-нибудь подготовиться. Я в одном летнем платье, без чулок и туфель. Нет ни подушки, ни одеяла. И хозяйка квартиры отказала уже мне. Мне нечем платить ей.

Я не успела рассчитаться на работе. Только что организовывала дош<ольную> колонию. Собиралась вывозить детишек и случилась такая беда.

Если бы 3 месяца назад мне сказали бы, что из Москвы могут выслать педагога, да еще в такую обстановку, я ни за что бы не поверила. Как и не верю до сих пор, думая, что это случайная ошибка. Как же так?! У нас даже о лошадях заботятся, надевая им от солнца шляпы. А здесь человек 3-й месяц брошен искусственно в безработицу, а значит, обречен на голод. Не собирать же милостыню. Да к тому же со мной брат, рабочий-литейщик, 31 года, заодно выслан, так как был прописан на ночевку в моей квартире. Я боюсь за его психику, он последнее время ничего не говорит. А, может быть, это от голода.

С. Жебровская.

1.VIII.1937.

Гор<од> Астрахань, почтамт, до востребования.

Р. С. Я заходила к Вам еще в Москве, но был не приемный день»³.

Осенью 1937 — Серафима Георгиевна Жебровская была арестована, 26 октября приговорена к 5 годам ИТЛ и отправлена в лагерь⁴.

---

³ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1597. С. 128-129. Автограф.

⁴ Жертвы политического террора в СССР». Компакт-диск. М., «Звенья», изд. 3-е, 2004.